

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

15 августа

№ 16.

1866 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15 числа, съ Юля 1861 года.

Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сер. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбов. Дух. Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

Высочайшее повелѣніе.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 17 день Юня сего года, Высочайше соизволилъ утвердить докладъ Святѣйшаго Синода о перемѣщеніи преосвященныхъ: *Антонія*, архіепископа Волынскаго на архіерейскую кафедру во Владиміръ, — *Агаангела*, епископа Вятскаго на Волынскую архіерейскую кафедру съ назначеніемъ и священно-архимандритомъ Почаевской Лавры и епископа Вологодскаго *Христофора* — на таковую ж. кафедру въ Вятку, съ оставленіемъ при двухъ послѣднихъ лично той степени въ Іерархическомъ порядкѣ, какая присвоена управляемымъ нынѣ епархіямъ.

(*Москов. Вѣдом. № 126.*)

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ тотъ же 17 день Юня, Высочайше соизволилъ утвердить докладъ Святѣйшаго Синода объ избранныхъ трехъ кандидатахъ, на кафедру епископа Вологодскаго, въ числѣ коихъ первымъ былъ представленъ, имѣющій лично степень настоятеля первокласнаго монастыря ректоръ Вятской семинаріи, Архимандритъ *Павель*, съ тѣмъ чтобы тому, кто изъ сихъ кандидатовъ будетъ Его Величест-

вомъ удостоенъ епископской степени, — нареченіе и посвященіе произвести въ С. Петербургѣ. На симъ докладѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: «быть первому, а въ прочемъ быть по сему.»

№ 161.

—

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 26 день Іюля, Высочайше соизволилъ утвердить докладъ Святѣйшаго Синода, о назначеніи ректора Московской духовной семинаріи, настоятеля Богоявленскаго монастыря архимандрита *Игнатія* викаріемъ Московской митрополии, епископомъ Можайскимъ и о рукоположеніи его въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ.

—

По поводу приближающагося окончанія срока, на который вызваны были въ С. Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ преосвященные: архіепископъ Тверскій Филофей и епископъ Нижегородскій Нектарій, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоудно было Высочайше повелѣть: преосвященнаго архіепископа *Филофея* уволить во ввѣренную ему епархію по окончаніи занятій предсѣдательствемаго имъ временнаго Комитета для примѣненія судебныхъ уставовъ 30 Ноября 1864 года къ церковному управленію и суду, а преосвященному епископу Нижегородскому *Нектарію* отсрочить пребываніе въ С. Петербургѣ, для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, до 24 Іюня 1867 года.

№ 162.

II

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

О награжденіи похвальнымъ листомъ.

Вслѣдствіе донесенія благочиннаго г. Кирсанова протоіерея Колаискаго объ усердной и полезной службѣ церковнаго таросты при Ильинской церкви купческаго сына Семена сосульникова, что онъ, въ продолженіи 6 лѣтней службы своей, приобрѣлъ для этой церкви церковной утвари и богослуж-

жебныхъ книгъ на собственный капиталъ на сумму до 2005 руб., Тамбовская Духовная Консисторія, съ утвержденья Его Преосвященства, положила: церковнаго старосту Сосульникова за усердную службу и пожертвованіе его въ пользу приходской церкви наградить похвальнымъ листомъ, а о пожертвованіяхъ его донести въ свое время и Святѣйшему Синоду.

О награжденіи набедренникомъ.

По разсмотрѣніи клировыхъ вѣдомостей за 1865 годъ, заключеніемъ Консисторіи, съ утвержденья Его Преосвященствомъ, между прочимъ положено наградить набедренникомъ, за усердную службу, а также за усердное проповѣданіе Слова Божія, и за заботливость объ украшеніи церкви нижеслѣдующихъ священниковъ: *Козловскаго уѣзда* сель: Донской Слободы Василія *Аладинскаго*, — Глазка Николая *Ищенинскаго*, — Старога Сеславина Димитрія *Богоявленскаго*, — Златоустова Максима *Зарина*, — Усть-Затонца Павла *Диктова*, — Подгорнаго Василія *Сабурова*, — Вышневаго Алексѣя *Цвѣтаева*, — Успенскаго Алексѣя *Архангельскаго*, — Малой Верды Александра *Полянскаго*, — Чурюкова Алексѣя *Солертинскаго*, — Новокленскаго Ивана *Пономарева*, — Кочетовской Слободы Андрея *Ястребова*, — Малыхъ Пупокъ Алексѣя *Архангельскаго*; *Шацкаго уѣзда* сель: Ебатериновки Михаила *Серіевскаго*, — Демидова Ивана *Ковердякскаго*, — Вановья Николая *Алтева*, — Княжева Алексѣя *Покровскаго*; *Тамбовскаго уѣзда* села Никольскаго Никиту *Подгорненскаго*; *Моршанскаго уѣзда* сель: Черкина Михаила *Березина*, — Кобелька Аркадія *Гримячинскаго* и г. Моршанска Николаевской церкви Димитрія *Лебедянскаго*.

Объ опредѣленіи, увольненіи и перемѣщеніи священнослужителей.

При новостроющейся церкви въ д. Николаевѣ Шацкаго уѣзда священническое мѣсто предоставлено окончившему курса Семинаріи воспитаннику Василю *Земляницыну* со взятіемъ сироты, дѣвицы Евдокіи Орфановой.

Въ село Ржаксу Моршанскаго уѣзда на священническое мѣсто, со взятіемъ дочери умершаго того же села священника Яхонтова, опредѣленъ воспитанникъ Семинаріи Иванъ *Амидовъ*.

Въ село Кузминку Тамбовскаго уѣзда, на мѣсто уволеннаго заштатъ священника Михаила Стежинскаго, со взятіемъ дочери его, опредѣленъ воспитанникъ Семинаріи Павелъ *Андреевъ*.

Въ село Алужу Моршанскаго уѣзда, со взятіемъ сироты дѣвицы Екатерины Лебедянскои, на священническое мѣсто опредѣленъ воспитанникъ Семинаріи Ѳеодоръ *Крюковскій*.

Села Терновки Борисоглѣбскаго уѣзда священникъ Александръ Веселовскій, за нетрезвую жизнь, устраненъ отъ прихода, съ запрещеніемъ въ священнослуженіи и преданіемъ суду. На мѣсто его, согласно прошенію, перемѣщенъ изъ села Андреевки того же уѣзда священникъ Георгій Богдавленскій, назначавшійся въ село Крутые Хутора Липецкаго уѣзда.

Въ село Крутые Хутора Липецкаго уѣзда на праздно священническое мѣсто опредѣленъ безмѣстный священникъ Павелъ *Громовъ*.

Діаконъ села Гладышева Тамбовскаго уѣзда Гавріиль Ястребовъ померъ. Мѣсто его, для поддержанія осиротѣвшаго семейства, зачислено за сыномъ его, ученикомъ средняго отдѣленія Василиемъ Ястребовымъ.

Діаконъ села Спасскаго, Иваново тожь, Димитрій Смирновъ, вдовой и бездѣтный, уволенъ отъ прихода, для поступленія въ число братства, въ монастырь. Мѣсто діаконское въ этомъ селѣ, согласно проекту штатовъ, закрыто.

Въ селѣ Коростелевѣ Борисоглѣбскаго уѣзда, — за отчисленіемъ отъ его прихода деревни Красиловки и за посвященіемъ къ новостроющейся въ этой деревнѣ церкви діакона Никольскаго, — діаконская вакансія, по малоприходу, закрыта.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

15 августа

№ 16.

1866 года.

Б Е С Ъ Д А

о

С И М В О Л Ъ В Ъ Р Ы.

VIII.

Върую во единого Господа Иисуса Христа, возшедшаго на небеса, и сядущаго одесную Бога Отца.»

Въ шестомъ членѣ символа вѣры говорится о вознесеніи Господа Иисуса Христа на небо. — После Своего воскресенія Иисусъ Христосъ недолго былъ на землѣ; прошло сорокъ дней, — и Онъ вознесся на небо. Божествомъ Иисусъ Христосъ всегда былъ на небѣ вмѣстѣ съ Богомъ Отцемъ и Святымъ Духомъ, но въ сороковой день по воскресеніи Онъ вознесся на небо вмѣстѣ съ тѣломъ, принятымъ Имъ на землѣ, какъ Богочеловѣкъ, и возсѣлъ одесную Бога Отца, — одесную, т. е. по правую сторону. Что значитъ сидѣніе Сына одесную Бога Отца? — Этимъ не указывается какое либо опредѣленное мѣсто для лицъ Святой Троицы: потому что Богъ безпредѣленъ и не ограничивается никакимъ мѣстомъ; по означается равенство и одинаковое достоинство Бога Сына съ Богомъ От-

цемъ. Сидѣніе Сына Божія во плоти одесную Бога Отца указываетъ на непостижимое и недостигаемое возвышеніе самаго естества человѣческаго въ лицѣ Богочеловѣка и вмѣстѣ на всесильное и непрекращающееся ходатайство за насъ предъ Богомъ Отцемъ Искупителя человѣческаго рода. Для большаго разъясненія важнѣйшаго событія обратимся къ исторіи вознесенія Господня. 40 дней по воскресеніи пробылъ Иисусъ Христосъ на землѣ; во все это время Онъ бесѣдовалъ съ Своими учениками о царствіи Божіемъ, и научалъ ихъ, какъ должно жить на землѣ, что дѣлать и чего избѣгать, въ 40-й же день, собравши учениковъ Своихъ въ Иерусалимъ, въ послѣдній разъ далъ имъ наставленіе о распространеніи Евангелія по всему міру и повторилъ данное имъ прежде обѣщаніе о ниспосланіи Утѣшителя, Святаго Духа и, въ ожиданіи обѣтованнаго Утѣшителя, повелѣлъ имъ не отлучаться изъ Иерусалима, пока не облечутся они силою свыше. Послѣ того вывелъ ихъ вовнѣ изъ Иерусалимъ на гору Елеонскую, насупротивъ Вифаніи; и, поднявши руки Свои, благословилъ ихъ. И когда благословлялъ, сталъ отдаляться отъ нихъ, и въ ихъ глазахъ подниматься отъ земли, и облако взяло Его изъ виду ихъ. Такимъ образомъ Господь вознесся на небо. Ученики все еще смотрѣли вслѣдъ вознесшагося Господа, какъ представили предъ нихъ два мужа въ бѣлой одеждѣ, и сказали: «Галилеяне! что вы стоите и смотрите на небо? Иисусъ, Который вознесся отъ васъ на небо, придетъ такимъ же образомъ, какъ вы видѣли Его восходящимъ на небо.» Тогда они воздали Ему, какъ Господу Богу, служебное поклоненіе, и возвратились въ Иерусалимъ съ великою радостію. — Что за радость Апостоламъ, спросить кто либо? Послѣ разлуки съ любимымъ и любящимъ Настав-

никомъ не приличнѣ ли плакать? Казалось-бы, такъ; но св. Апостолы имѣли въ виду не разлуку съ Господомъ, а необходимость и цѣль Его вознесенія. Мучительна, тяжела разлука, но радостна, утѣшительна цѣль вознесенія на небо Господа! Какая же цѣль вознесенія?—*И се Азъ пошлю обѣтованіе Отца Моего на вы: вы же съдите во града Иерусалимствъ, дондеже облечетесь силою свыше*, говорилъ Иисусъ Христосъ ученикамъ Своимъ предъ вознесеніемъ (Лук. 24, 49). *Уне есть вамъ, да Азъ иду, аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не придетъ къ вамъ* (Іоан. 16, 7). Ниспосланіе Святаго Духа для освященія, для облагодатствованія, для доставленія средствъ и силы къ достиженію вѣчнаго на небесахъ царствованія со Христомъ, вотъ одна изъ цѣлей вознесенія Господня на небо. Какъ же было не радоваться, какъ не утѣшаться послѣ того Апостоламъ при видѣ вознесшагося на небо Господа? — *Въ дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекъ быхъ вамъ. Иду уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю мѣсто вамъ, прииду и поиму вы къ Себѣ: да идѣже есмь Азъ, и вы будете* (Іоан. 14, 2, 3), говорилъ Иисусъ Христосъ Апостоламъ еще до своего страданія и воскресенія. Это—другая цѣль. Послѣ своихъ страданій и воскресенія, вознесшійся на небо Господь отверзъ врата царствія небеснаго и сдѣлалъ свободнымъ входъ въ обители Отца небеснаго для всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Какъ же, спросимъ опять, не радоваться было Апостоламъ, какъ не утѣшаться при видѣ вознесшагося на небо Господа, когда съ вознесеніемъ имъ открывался прямой, свободной входъ къ вѣчному блаженству, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ ихъ Учителемъ и Господомъ, когда имъ обѣщались всѣ силы и средства къ тому, когда обѣто-

вался имъ Духъ Святой—Утѣшитель и Наставникъ во время труднаго, земнаго ихъ жительства? Не забудемъ при этомъ, что Самъ вознесшійся Господь обѣщался не только прійти къ нимъ снова, но всегда, неразлучно пребывать съ ними: *и се Азъ съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка* (Іоан. 28, 20). Такъ Апостолы, провождая на небо Господа, не чувствовали скорби за чрезмѣрную, объявшею ихъ радостію.

Братіе! не однимъ Апостоламъ, а и намъ вмѣстѣ съ ними обѣщанъ и уже ниспосланъ Утѣшитель—Духъ Святой. Кто не чувствовалъ и не чувствуетъ Его благодатнаго посѣщенія, Его небеснаго утѣшенія? Всѣ радости духовныя, какія только чувствуемъ мы на землѣ, отъ кого происходятъ, какъ не отъ Святаго Духа? Отъ Него исходитъ всякое даяніе благо: отъ Него и любовь, и радость, и миръ, и долготерпѣніе, и вѣра, и кротость, и воздержаніе.» — Не однимъ Апостоламъ обѣщаль Господь и уготоваль мѣсто въ обителяхъ Отца небеснаго, но всѣмъ намъ, истинно вѣрующимъ въ Него. Онъ молилъ и молитъ непрестанно Своего Отца небеснаго, да вси едино будутъ въ Немъ (Іоан. 17, 21). Потому наша вѣра въ восшедшаго на небеса Господа проливаетъ обильную радость и утѣшеніе и въ сердца всѣхъ насъ. Быть съ Господомъ на небѣ, быть непрестанно и вѣчно,—какая высокая честь для созданія Божія, какая неизглаголанная, непостижимая радость!

Такъ, братіе, вѣруя въ восшедшаго на небеса и сѣдящаго одесную Бога Отца, будемъ возносить непрестанно свой умъ и сердце горѣ, будемъ строгими ревнителями и всегдашними исполнителями Божественнаго закона, да сподобимся нѣкогда быть участниками неизрѣченныхъ и вѣчныхъ благъ, уготованныхъ намъ крестными страданіями и смертію

Господа, да сподобимся нѣкогда тѣхъ блаженныхъ обителей, которыя уготоваль Господь въ царствіи Отца Своего небеснаго,—да сподобимся быть вѣчно съ Господомъ. Для большаго же и лучшаго преспѣянія нашего на пути къ небесному царствію, вѣруя въ восшедшаго на небеса Господа, будемъ всегда твердо вѣровать и во всегдашнее Его съ нами присутствіе. Подобно какъ общаль Онъ пребывать всегда съ Апостолами, Онъ пребываетъ всегда и со всѣми нами: Онъ слышитъ наши слова, Онъ видитъ наши дѣйствія, предъ Нимъ открыты самыя сокровенныя помышленія нашего сердца. Соотвѣтственно этой вѣрѣ, этому сознанию, будемъ всегда жить свято и чисто, во славу всегда намъ присущаго, и всегда за нами назирающаго Господа.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О РЕЛИГІИ ХРИСТИАНСКОЙ.

Изъ Огюста Николя.

IV. ВСЕОБЩІЯ ПРЕДАНІЯ.

(Продолженіе)

Но поднимемся выше и чрезъ сравненіе свойствъ жертвы Іисуса Христа съ условіями, постановленными для древнихъ жертвъ покажемъ, что сіи послѣднія не имѣли другой цѣли, какъ предначертывать и прообразовать первую. Здѣсь-то намъ предстоитъ разсмотрѣть въ этомъ предметѣ то, что есть въ немъ наиболѣе философскаго.

Искупителю человѣческаго рода надлежало быть жертвою, жертвою святою, принесенною въ замяну и выкупъ чловѣка, кровавою, и предста-

вляющею въ себя пищу новой жизни для чело-
вѣчества. Въ этихъ четырехъ отношеніяхъ мы по-
стараяемся разсмотрѣть предметъ нашъ послѣдова-
тельно.

1) Родъ человѣческой согрѣшилъ предъ Бо-
гомъ въ своемъ родоначальникѣ и корнѣ. Онъ могъ
возстановить себя не иначе, какъ искупивъ свою
вину и изгладивъ грѣхъ со всеми его послѣдстві-
ями. Но чтобы выкупъ за грѣхъ имѣлъ дѣйстви-
тельную цѣну и, по своей силѣ и значенію, былъ
достаточенъ для изглажденія грѣха, для этого не-
обходимо требуется, чтобы онъ былъ равенъ самой
винѣ челоѣчества. Но тяжесть вины опредѣляется
важностію правъ и обязанностей, какія нарушены
преступленіемъ; и такъ какъ здѣсь поправны непре-
дѣльные права Творца надъ тварію, нарушены обя-
занности и отношенія существа ограниченнаго къ
безпредѣльной власти Вседержителя; то и вина че-
ловѣчества грѣшнаго безпредѣльна, и выкупъ за
нее долженъ быть также безпредѣленъ (*). Такъ
какъ челоѣкъ по самой природѣ ограниченъ, а
чрезъ грѣхъ сдѣлался, если можно такъ сказать,
еще болѣе ограниченнымъ; то очевидно, онъ не
могъ найти въ самомъ себѣ ничего, для изглажде-

(*) Всякой разъ, когда мы для выраженія мыслей о сихъ предметахъ употребляемъ слова: *должно, надобно, надлежитъ* и под., заключающія въ себѣ понятіе необходимости; мы отнюдь не говоримъ о *необходимости безусловной, невольной*, а только о *необходимости нравственной*, вытекающей изъ *отношеній правды и дома*. Просимъ это всегда помнить. Впрочемъ, примѣръ этому мы находимъ у Апостола Павла во многихъ мѣстахъ его посланій къ Евреямъ, и особенно съ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ: «*таковъ и долженъ быть у насъ первосвященникъ: свя-
тый, непричастный злу, непорочный, отдѣленный отъ
грѣшниковъ, и превознесенный выше небесъ* (Евр. 7, 26).

нія грѣха, требуемаго безпредѣльною правдою, которая преслѣдовала его, и сама не могла отречься отъ своихъ требованій, не переставая быть безконечною и слѣдственно Божескою; для этого надобно было бы, что бы человѣкъ могъ сдѣлаться Богомъ и въ такомъ состояніи принести Себя въ жертву Богу. Но это было бы чудо, подобное тому, какое благи Божіей угодно было совершить для спасенія рода человѣческаго, когда, при самомъ первоначальномъ паденіи его, ему обѣщанъ былъ Искупитель, имѣвшій произойти отъ племени человѣческаго и соединить въ себѣ природу Божескую и человѣческую, для того чтобы въ своемъ лицѣ принести жертву, которая могла бы представлять собою цѣну, равную винѣ человѣчества. Такимъ образомъ Иисусу Христу, для искупленія рода человѣческаго, надлежало быть жертвою безпредѣльною, — жертвою по человѣчеству, безпредѣльною по Божеству. Это первое существенное условіе жертвы, съ которою соединено спасеніе рода человѣческаго.

Но этому первому условію соотвѣтствуетъ первое требованіе относительно древнихъ жертвъ — приносить жертву и притомъ жертвовать самымъ лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ, наиболѣе подходящимъ, хотя символически, къ безпредѣльной святости Бога. Въ семъ отношеніи требованія закона о жертвахъ явились при первыхъ жертвоприношеніяхъ, о которыхъ говорится въ исторіи; это жертвоприношенія Каина и Авеля. Каинъ, земледѣлецъ, приносить Богу жертву *отъ плодовъ земныхъ*. Абель, пастухъ, приноситъ *отъ перевородныхъ изъ своего стада, и притомъ, самыхъ тучныхъ и дородныхъ*. И призрѣлъ *Иегова*, продолжаетъ книга Бытія, *на Авеля и на даръ его; а на Каина и на даръ его не призрѣлъ* (Быт. 4, 4. 5).

Отъ чего? «Отъ того, замѣчаетъ одинъ учитель церкви, «что Каинъ допустилъ погрѣшность при выборѣ «приношенія. — Между тѣмъ его приношеніе было «въ связи съ его прямымъ занятіемъ,—земледѣліемъ, равно какъ и Авелево—съ его занятіемъ, скотоводствомъ; по этому достоинство того и другаго приношенія было одинаково.»—Въ жертвѣ, принесенной Каиномъ, говоритъ одинъ ученый толкователь на книгу Бытія, нѣтъ ничего, почему «можно было бы предполагать, что онъ смотрѣлъ «на себя, какъ на грѣшника, осужденнаго на смерть, «имѣющаго пужду въ той жертвѣ, которая служила бы замѣномъ вмѣсто его самаго предъ Богомъ «и была бы заклана вмѣсто его. Его приношеніе «можетъ имѣть мѣсто въ состояніи человѣка невиннаго: это начатки плодовъ земныхъ, это не «больше, какъ свидѣтельство благодарности и вѣры въ Бога, подателя благъ временныхъ. Но нѣтъ «ничего, имѣющаго отношеніе къ Ходатаю, ничего «выражающаго мысль о Немъ, ничего, посящаго «напоминаніе о Немъ. Случилось... что Каинъ принесъ отъ плодовъ земли. (*)

Послѣ этого въ священной исторіи говорится всегда о жертвахъ закалаемыхъ, для принесенія которыхъ выбираются животныя наиболѣе чистыя. «И создалъ Ной жертвенникъ Іеговѣ; и взялъ изъ «всякаго скота чистаго и изъ всѣхъ птицъ чистыхъ, и принесъ всесожженія на жертвенникѣ. «И обонялъ Іегова благоуханіе успокоенія (Бытія «8, 20. 21).—Кромѣ народа еврейскаго, какъ мы замѣтили, это первое условіе жертвоприношеній оказывается и у всѣхъ народовъ языческихъ; по этому благоразумный Ролленъ, въ своемъ трактатѣ о школьномъ преподаваніи, говоритъ: «на-

(*) Explication de la Genèse; Paris, 1732, in 12, t. II, p. 10.

«добно замѣчать и внушать молодымъ людямъ, что
 «все народы единодушно поставляли въ жертвахъ
 «какъ основаніе общественнаго богослуженія, такъ
 «и сущность религіи, хотя во все не понимали ни
 «причины, ни цѣли этого установленія, такъ какъ
 «оно неестественно и не могло быть плодомъ од-
 «ного разума человѣческаго; и что, судя по одно-
 «образію, постоянно замѣчаемому въ этомъ дѣлѣ,
 «столь необычайномъ, оно могло получить свое
 «начало не иначе какъ въ семействѣ Ноя, потом-
 «ки котораго, раздѣлившись и разсѣявшись по поко-
 «лѣніямъ, унесли съ собою, каждое принятый и
 «усвоенный имъ отъ родоначальника, образъ бого-
 «служенія, установленный Богомъ. (*)

2. Второе свойство жертвоприношенія Мессіи, какъ мы сказали, то, что оно должно быть *жертвою принесенною въ замѣну и выкупъ* грѣшнаго рода человѣческаго, для усвоенія ему всѣхъ заслугъ, пріобрѣтенныхъ этою жертвою. Такая замѣна съ перваго раза представляется несправедливою. Мы постоянно говоримъ: «несправедливо, когда невинный отвѣчаетъ за виноватаго,» и въ этомъ выставляется одна изъ самыхъ возмутительныхъ чертъ въ древнихъ жертвахъ, особенно когда въ жертву приносились люди. Но кромѣ того, что это, возбуждающее отвращеніе, свойство само собою скрывается предъ болѣе поразительнымъ откровеніемъ любви въ жертвоприношеніи голгофскомъ,—потому что это—жертва хотя *необходимая*, но въ тоже время *и добровольная*, — тутъ поражаетъ насъ особенно соотвѣтствіе такого условія предшествовавшему состоянію природы человѣческой, если мы постараемся разсмотрѣть этотъ предметъ поглубже и основательнѣе.

(*) *Traité des Etudes.*—De la la lecture d'Homerè.

Въ самомъ дѣлѣ, какова бы ни была таинственная причина этого жизненнаго явленія, а родъ человѣческій страдаетъ за вину одного: посему въ какомъ удивительномъ согласіи съ этой первой тайною стоитъ то, что Одинъ пострадалъ за то, что принялъ на Себя вину всего рода человѣческаго. И если въ каждой изъ этихъ двухъ тайнъ, для поверхностнаго взгляда, представляется, по видимому, неправедливость; то не уничтожаются ли эти кажущіяся несправедливости одна другою, и на мѣсто ихъ не возникаетъ ли совершеннѣйшее сочетаніе справедливости и любви, особенно когда принимается во вниманіе, что принесшій себя въ жертву для понесенія казни, присужденной за вину одного, есть самъ Богъ, осудившій родъ человѣческій на эту казнь, и такимъ образомъ въ жертвѣ голгоѣской противопоставляющій чудо любви своей чуду своего правосудія, Богъ, — равно безпредѣльный въ томъ и другомъ чудѣ, а потому и непостижимый, особенно въ ихъ взаимномъ сочетаніи.

Но есть сторона въ этомъ свойствѣ Божественной жертвы голгоѣской, болѣе доступная человѣческому разумѣнію, и по которой она въ высшей степени имѣетъ вліяніе на общественную жизнь человѣчества и чрезъ то вноситъ въ него новую жизнь.

Всякое общество въ родѣ человѣческомъ держится на двухъ условіяхъ, какъ на полюсахъ своихъ, около которыхъ вращается вся жизнь общественная, — на условіи взаимныхъ обязанностей и содѣйствія другъ другу (*solidarité*) и на условіи круговой отвѣтственности, или участія въ выгодахъ и невыгодахъ общественной жизни (*réversibilité*). Безъ сомнѣнія, когда берется во вниманіе отдѣльно то или другое лице изъ общества, тутъ необходимо должны быть проступки и заслуги личныя

у каждаго; но когда принимается во вниманіе вся совокупность общества, въ семь случаѣ какъ проступки, такъ и заслуги вмѣняются всѣмъ и каждому, такъ что за проступки одного члена изъ общества падаетъ безчестіе и отвѣтственность на все общество, равно и заслуги одного члена составляютъ славу и достоинство цѣлаго общества. Всякое соединеніе личностей человѣческихъ, заявившее свои права на названіе общества, въ самыхъ большихъ размѣрахъ, отъ семейства до государства, жило не иначе, какъ на основаніи приложенія упомянутыхъ условій, и когда разрушатся эти условія, распадется все общество. Съ самымъ названіемъ общества необходимо соединяется понятіе о бытіи жизни существенно собирательной, гдѣ люди перестаютъ быть отдѣльными личностями, для того чтобы сдѣлаться членами цѣлаго, гдѣ, слѣдственно, они отвѣчаютъ другъ за друга, и гдѣ каждый живетъ жизнью всѣхъ и всѣ сочувствуютъ жизни каждаго. Эти начала, представляющіяся въ теоріи нѣсколько странными, относятся къ такого рода предметамъ, которые въ практической жизни имѣютъ наибольшее приложеніе. Всегда и вездѣ они инстинктивно подчиняютъ своей силѣ дѣятельность общественнаго организма, подобно внутреннимъ органамъ нашего тѣла, совокупная дѣятельность которыхъ, чисто естественная и произвольная, поддерживаетъ, безъ нашего вѣдома, всѣ явленія нашего существованія. Могущественному дѣйствию этихъ началъ Римъ и Спарта обязаны были тою силою, которая дѣлала ихъ столь могущественными и страшными. Духъ семейства, духъ общества, духъ поколѣнія, духъ отечества, человѣчества, — это тѣже начала, а не что либо другое; это начало было источникомъ всѣхъ великихъ подвиговъ самопожертвованія и всѣхъ ве-

ликихъ представительныхъ олицетвореній. Оно побудило Кодра умереть за народъ свой, воодушевляло Курція броситься въ бездну и Декія отдаться на поражение враговъ своего отечества. Оно въ устахъ самодержавнаго повелителя тридцати милліоннаго государства высказалось знаменитымъ въ извѣстномъ смыслѣ изреченіемъ: *государство, это я*; а перомъ Теренція начертало еще болѣе знаменитое изреченіе: *я—человѣкъ; и не считую себя чуждымъ чего либо человѣческаго* (*).

Огромный недостатокъ древняго общества заключался въ слишкомъ тѣсномъ сосредоточиваніи этого начала въ однихъ семействахъ или народахъ, съ исключеніемъ всего остальнаго въ родѣ человѣческомъ. Божественною силою христіанства это начало возведено на высшую степень истинности, плодотворности и могущественнаго дѣйствія и получило свое приложеніе ко всему роду человѣческому, связуя всѣхъ людей двойственными узами взаимныхъ обязанностей и круговой отвѣтственности, съ одной стороны въ Адамѣ, а съ другой въ Иисусѣ Христѣ. Въ этихъ двухъ лицахъ сосредоточивается и изъ нихъ истекаетъ вся судьба рода человѣческаго, — изъ одного путемъ виновности и осужденія, изъ другаго — путемъ искупленія и освященія, такъ что можно сказать, что какъ въ Адамѣ всѣ согрѣшили, такъ и въ Иисусѣ Христѣ всѣ пріобрѣли заступку, и какъ Адамъ есть сокращенія міра падшаго, такъ Иисусъ Христосъ есть сокращеніе міра искупленнаго, такъ что и то и другое изъ этихъ лицъ можетъ хотя въ противоположномъ смыслѣ, сказать: *родъ человѣчскій, это — я*. По сему св. Апостоль Павель сказалъ: «*какъ преступленіемъ одного всѣмъ человѣкамъ осуж-*

(*) Homo sum; humani nihil a me alienum puto.

«деніе; такъ правдою одного всъмъ чловѣкамъ «оправданіе къ жизни» (Римл. 5, 18). И Иисусъ Христосъ сказалъ: «Когда Я вознесенъ буду отъ земли; всѣхъ привлеку къ Себѣ» (Іоан. 12, 32).

Только въ христіанскомъ богословіи вины и заслуги, въ извѣстномъ отношеніи, теряютъ самостоятельное существованіе, но, можно сказать, какъ спутники около планетъ, тяготеютъ и круговращаются около великой вины первородной и около заслуги Божественной, съ которыми онѣ стоятъ въ большей или меньшей связи, смотря по участию въ нихъ личной свободы каждаго.

Эти начала, поистинѣ, религіозны, потому что ими соединяются всѣ люди въ одно — великое семейство, дабы потомъ чрезъ единого посредника соединиться съ единымъ Богомъ. Въ установленіи древнихъ жертвъ они были сокрыты отъ пониманія людей, а возстановлены въ своей силѣ и явились міру во всемъ свѣтѣ только въ одной великой жертвѣ Иисусъ Христовой, къ которой всѣмъ прочимъ надлежало относиться только какъ прообразамъ (*).

(*). Мысль о *замѣнѣ* въ жертвоприношеніяхъ одного вмѣсто другаго, ясно была сознаваема и выражаема у древнихъ. Овидій напри-
мѣръ говоритъ:

Cor pro corde, precor, pro fibris sumite fibras.

Hanc animam vobis pro meliore damus.

(Fast. I, IV).

Кровь, какъ сѣдлаще души и жизненной силы, при жертвоприношеніяхъ имѣла особенную важность; эта то душа, какъ говоритъ Овидій, приносилась въ жертву вмѣсто *другой души*. Въ обрядовыхъ постановленіяхъ закона Моисеева эта замѣна, съ наибольшою выразительностію, представляется въ многознаменательномъ обрядѣ *отпущенія козла*, каковой обрядъ однажды

3. Жертва должна быть кровавая. Это существенное условіе всѣхъ древнихъ жертвъ во всемъ мірѣ также не можетъ быть изъяснено иначе, какъ только въ символическомъ значеніи по отношенію къ жертвѣ Иисусъ Христовой, въ которой одной открывается его истинный глубокой смыслъ.

Мы все — дѣти Адама; и только подѣ этимъ именемъ чувствуемъ и признаемъ въ себѣ слѣдствія грѣха первороднаго... Отъ Адама переходить къ намъ жизнь природы человѣческой въ томъ состояніи разстройства и грѣховнаго мятежа, которое вызвало у кающаго царя-пророка болѣзненное со-

только въ годъ совершался на праздникъ очищенія. Народъ представлялъ отъ себя двухъ козловъ для принесенія въ жертву за грѣхи и за свое искупленіе. По жребію одинъ изъ нихъ избирался для закланія и его кровь вносилась въ святое святыхъ; другой, называемый *козломъ отпущенія*, предоставлялся отмщенію Божію, и его изгоняли въ пустыню. На сего послѣдняго верховный Первосвященникъ возлагалъ руки отъ имени всего народа и, распростерши ихъ надъ его головою, всенародно исповѣдывалъ все грѣхи Израиля, умоляя Бога перенести ихъ на эту жертву, предаваемую Его правосудію; потомъ первосвященникъ отдавалъ козла на руки назначенному для этого дѣла человѣку, который отводилъ его до извѣстнаго разстоянія въ пустыню, гдѣ участь его оставалась тайною между жертвою и Богомъ. Эти два козла представляли два свойства одной и той же жертвы: *затмѣну*, о которой мы выше сказали, и особенное значеніе *крови*, о чемъ сейчасъ будемъ говорить. — Можно ли сомнѣваться, что эта жертва была прообразомъ той великой жертвы, о которой въ пророческомъ духѣ говоритъ Исаія: «попестигъ, Онъ принялъ на Себя болѣзни наши, ... мы Его принимали за отверженнаго, за челоѣка пораженнаго Богомъ и ничтожнаго. На Него пала казнь, долженствовавшая принести намъ миръ: на Него одного Господь перенесъ вину всеѣхъ насъ.»

знаніе своей немощи грѣховной: *се въ беззаконіи я рожденъ и во грѣхъ зачала меня мать моя* (Псал. 50, 7). Вслѣдствіе этого, съ самаго младенчества въ насъ является ослѣпленіе ума съ склонностію ко лжи и заблужденію, развращеніе воли, выражающееся порывами зла нравственнаго въ разныхъ видахъ, — преобладаніи чувственности надъ духомъ, съ ея грубыми потребностями и плотскими похотями... Какъ все это совершается, мы не знаемъ; это тайна природы, равно какъ и религіи. Въдъ есть же наслѣдственные не только тѣлесныя болѣзни, но и умственные и нравственные недостатки, которые преемственно переходятъ чрезъ многія поколѣнія; и бываетъ, что свѣтлый разумъ внезапно оказывается слабымъ и даже во все помрачается отъ какого нибудь наслѣдственнаго порока (*) Кровь—сѣдалище и органъ жизни. Кровь и жизнь мы получаемъ отъ Адама, а съ ними и наслѣдственный грѣхъ, за который подлежимъ осужденію на смерть. Пролитіе крови въ жертвоприношеніяхъ значить отнятіе жизни, или, что тоже, удовлетвореніе правосудію Божию, выполненіе его

(*) «Со временъ Гипократа и до нашихъ дней, говорятъ одни знаменитый докторъ, все врачи признавали за нами то гибельное преимущество, по которому мы имѣемъ способность наслѣдственно получать болѣзненные послѣдствія воздержанія нашихъ предковъ. Трудность, или лучше, невозможность изъяснить удовлетворительнымъ образомъ наслѣдственный переходъ болѣзней уже неразъ подавала врачамъ случай отрицать самое существованіе такихъ болѣзней, какъ будто для того, чтобы признать фактъ, всегда необходимо знать сію причину; а между тѣмъ тѣ же самые врачи, по странному какому то противорѣчію, не видятъ невозможности допускать виѣшнее сходство дѣтей съ родителями, хотя и это не лучше умѣютъ они объяснять.» (Portal, Consid. sur les malad. hered).

опредѣленія, присуждающаго грѣшнику смерть. Выполнить это опредѣленіе на самомъ грѣшникѣ, его самага предать смерти, значитъ погубить его безвозвратно и отнять у него всякую возможность спасенія; потому Богу угодно было кровію и смертію убиваемой жертвы замѣнить смерть грѣшника и такимъ образомъ съ удовлетвореніемъ требованію правосудія оставить грѣшнику возможность воспользоваться дарованными ему средствами спасенія. Но очевидно, что кровь обыкновенныхъ жертвъ сама по себѣ неспособна была ни удовлетворить правосудію Божию за грѣшныхъ людей, ни тѣмъ болѣе, привлечь на нихъ благословеніе отъ Бога. Эти условія въ дѣйствительности соединяются только въ одной жертвѣ Богочеловѣка, которой другія жертвы были только прообразами, и вслѣдствіе того имѣли свое значеніе и силу. Кровь Его великой крестной жертвы, какъ представляющая съ одной стороны виновную природу человѣческую, а съ другой—природу Божескую, имѣетъ цѣну безконечную, а потому какъ правосудію Божию удовлетворяетъ за грѣхи человѣческіе, такъ и на человѣчество привлекаетъ всѣ благословенія Божіи; и эти два дѣйствія крови Богочеловѣка такъ тѣсно соединены между собою, какъ двѣ природы въ Его лицѣ, которымъ она пролита и кромѣ котораго такое значеніе нигдѣ не можетъ соединяться. Этому—то и соотвѣтствуетъ рѣшительное требованіе относительно всѣхъ древнихъ жертвъ безъ исключенія, чтобъ онѣ были кровавы. «По закону Моисееву, говорятъ Боссюетъ, все бываетъ съ кровію, въ предъизображеніе Иисуса Христа и Его крови, очищающей совѣсть. (*)»

По этому то мы находимъ во всемъ родѣ че-

(*) *Elévation sur les mystères.*

ловѣческомъ глубокое вѣрованіе, что отпущеніе грѣховъ возможно только подѣ условіемъ пролитія крови, и это вѣрованіе дало мѣсто, восходящему до самой глубокой древности въ языческомъ мірѣ, очистительному обряду, извѣстному подѣ именемъ *принесенія быка въ жертву на рѣшетѣ* (taurobole et criobole). Обрядъ этотъ состоялъ въ томъ, что посвящаемого ставили во рвѣ, въ который чрезъ рѣшето, спускали кровь быка, закалаемаго въ жертву божеству (*) и съ этимъ обрядомъ соединяли силу *духовнаго обновленія*.

4. Наконецъ, великая жертва должна служить для человѣка пищею новой жизни. — Израильтяне съѣдали агнца пасхальнаго, и вообще отъ всякой жертвы народъ, или священники и левиты употребляли извѣстную часть жертвы въ пищу; и это было дѣломъ существенно религіознымъ, имѣвшимъ таинственное знаменованіе. Тоже было въ обычаѣ и у другихъ народовъ. «Тогда какъ ядвіи жертвы «были сожигаемы на огнѣ, говоритъ Ролленъ въ своихъ *Примѣчаніяхъ на Гомера*,—*среднія части ея* жарилась и раздѣляемы были между «предстоящими и приносящими жертву. Обрядъ «этотъ достоинъ примѣчанія: имъ заканчивалось «жертвоприношеніе богамъ, и онъ служилъ знакомъ взаимнаго *общенія* между собою всѣхъ присутствующихъ при этомъ. Пиршество это слѣдовало послѣ жертвоприношенія, и составляло часть «самаго жертвоприношенія. (**) У насъ нисколько не сомнѣваются въ томъ, что всѣ ложныя религіи произошли отъ истинной, и жертвы языческія—отъ жертвъ, первымъ людямъ заповѣданныхъ, примѣръ

(*) Достаточно привести здѣсь любопытную надпись доставленную Грюме. Dis magnis matri Deum et attidi Sextus Agesila Adisius taurobolo eriobolioque in aeternum renatus aram sacraavit.

(**) Traité des Études. — De la lecture d'Homère.

«которыхъ представляютъ намъ Каинъ и Авель; а
 «эти жертвы были только прообразами и тѣнью той
 «великой жертвы, въ которую Сыну Божию надлежа-
 «ло принести самаго Себя за насъ. Вездѣ, по всему
 «лицу земли, бѣли мясо жертвъ; у всѣхъ народовъ
 «жертвоприношеніе, заканчивавшееся этимъ ядѣ-
 «ніемъ, считалось торжественнымъ пиршествомъ
 «человѣка съ Богомъ; поэтому то у древнихъ язы-
 «ческихъ поэтовъ часто встрѣчаются выраженія:
 «пиршество Юпитера, мяса Нептуна, для означенія
 «жертвъ, часть которыхъ съѣдали, послѣ приношенія
 «нихъ, въ честь этихъ мнимыхъ боговъ. И если у евре-
 «евъ были всесоженія, т. е. жертвы, которыя все-
 «цѣло были сожигаемы въ честь Бога Израилева;
 «то къ нимъ присоединялся извѣстнаго рода пирогъ,
 «съ тѣмъ чтобы и при этомъ даже жертвоприно-
 «шеніи было что поѣсть человѣку.» (*) Такимъ об-
 «разомъ и это условіе древнихъ жертвъ, видимо,
 соотвѣтствуетъ существенному свойству жертвы
 Иисусъ Христовой—тому, что она въ таинствѣ Ев-
 харистіи служитъ пищею вѣчной жизни для возро-
 жденныхъ и всегда продолжается. Это самое со всею
 силою выражено въ слѣдующихъ словахъ Иисусомъ
 Христомъ: *плоть Моя истинно есть пища, и
 кровь Моя истинно есть питіе. Если не буде-
 те ѣсть плоти Сына Человѣческаго, и пить
 крови Его; то не будете имѣть въ себѣ жизни*
 (Іоан. 6, 55. 55). Это, безъ сомнѣнія, тайна глубо-
 чайшая, подавляющая нашъ разумъ; но вѣра въ нее
 и употребленіе ея составляли нравственную силу и
 жизнь человѣчества въ продолженіе осьмнадцати
 вѣковъ, и она доказала такимъ образомъ на опытѣ
 истину своего начала, приводящаго къ цѣли. (**)

(*) Pellisson, Traité de l'Eucharistie, p. 182.

(**) Здѣсь я могу только мимоходомъ коснуться этаго глубокаго пред-

Такимъ образомъ все свойства великой жертвы, служащей основаніемъ Христіанства, видимо отражаются въ условіяхъ и принадлежностяхъ всѣхъ древнихъ жертвъ, и первая служитъ единственнымъ возможнымъ объясненіемъ послѣднихъ, и обратно, отъ ихъ всеобщности замѣствуется свидѣтельство въ пользу своей дѣйствительности (*).

мета; а особое развитіе того, что есть въ немъ догматическаго, предоставляется для второй части. Поэтому онъ здѣсь подлежитъ сужденію нашему настолько, на сколько состоитъ въ связи съ настоящимъ предметомъ нашего изслѣдованія.

(*) Constationel, въ своемъ листкѣ отъ 8 Іюля 1846, представляетъ любопытныя подробности на счетъ того, съ какими обрядами, еще въ наши дни, совершаются человѣческія жертвы въ Индіи; тутъ находятся все составныя принадлежности жертвоприношенія въ томъ видѣ, какъ и мы указали въ нашемъ анализѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Калькутты, между горами, доходящими почти до бухты Бенгальской, показались смятенія въ племенѣ, называемомъ *Хунды*. Мы уже нѣсколько словъ сказали объ этомъ особенномъ народѣ, представляющемъ черты самаго губаго варварства, на разстояніи нѣсколькихъ дней отъ самой образованной столицы азіатскаго міра. *Revue de Calcutta* представляетъ сколько страшныя, столько же и любопытныя подробности на счетъ нравовъ и религіозныхъ обычаевъ этихъ дикарей. Всякій содрогнется при видѣ обрядовъ, съ какими совершаются у нихъ жертвы человѣческія; а искренность, съ какою все это выполняется, невольно поражаетъ изумленіемъ. Эти жертвы приносятся въ честь божества земли, и, по понятіямъ этихъ страшныхъ идолопоклонниковъ, необходима человѣческая кровь для того, чтобы земля получила орошеніе, потребное для ея оплодотворенія. Для этой цѣли они покупаютъ дѣтей, или даже взрослыхъ, которыхъ поставщики, называемые *панвасъ*, похищаютъ у иудусовъ, живущихъ въ долинахъ.»

«Жертвы эти, называемыя *меріасъ*, воспитываются и тщательно блюдутся до времени жертвоприношенія. Народное вѣрова-

Правда, такое пониманіе жертвъ было извѣстно только между іудеями и притомъ, быть можетъ, немногимъ изъ нихъ; но легче всего изъяснить утрату истинной мысли о причинѣ установленія жертвъ, хотя въ жизни человѣчества принесеніе ихъ не прекращалось. Дѣйствительно, въ этомъ установленіи нѣтъ ничего такого, что должно бы-

ніе усвоаетъ имъ особаго рода святость; такъ что семейства, въ средѣ которыхъ эти, обреченные на закланіе, люди временно входятъ въ связи съ женами и дочерями, приобретаютъ этимъ особое уваженіе. Ихъ надѣляютъ землями и стадами, а женщинъ такихъ зачисляють въ касты Индусскія; но дѣти, рождающіяся отъ этихъ связей, предназначаются къ той же участи, какая ожидаетъ и отцевъ ихъ, что и выполняется надъ ними, какъ скоро покажется, что страшное божество требуетъ этой жертвы. На счетъ обрядовъ, съ которыми совершается жертвоприношеніе этихъ меріасъ, говорится слѣдующее:

«Всѣ приготовления къ торжеству совершаются подъ руководствомъ главы поколѣнія, при соучастіи жреца. Этотъ послѣдній всегда служитъ органомъ воли Божіей, и когда онъ объявляетъ, что эта воля требуетъ жертвы, населеніе обоихъ половъ стекается для присутствія при жертвоприношеніи. Торжество продолжается три дня. Въ первый день все наредонаселеніе принимаетъ участіе въ пиршествѣ: ѣдятъ, пьютъ и предаются всякаго рода крайностямъ. На другой день жертву, соблюдавшую постъ съ предшествовавшего вечера, тщательно омывають, одѣвають во все новое и торжественно ведутъ съ музыкой и плясками изъ деревни въ лѣсъ, посвященный *Меріа*, расположенный на берегу потока. Въ срединѣ лѣса утверждаютъ столбъ, къ которому жрецъ привязываетъ спиною несчастнаго героя всего этого торжества. Тутъ его намазываютъ деревяннымъ масломъ, (или коровьимъ прогорѣлымъ), расписываютъ мазью шафрановаго цвѣта, убираютъ цвѣтами, и въ продолженіе цѣлаго дня весь народъ преклоняется у ногъ его въ знакъ благоговѣйнаго почитанія. Всякій старается завладѣть какимъ нибудь клочкомъ его одежды; а женщины особен-

ло бы задерживать и замедлять измененіе его, подобно другимъ установленіямъ; а наоборотъ, самая многосложность его даже способствовала его разложенію. Отъ этого оно и подверглось разнымъ превращеніямъ. Мысль объ обѣтованномъ Искупителѣ и Его будущей жертвѣ для спасенія рода человѣческаго, составлявшая духовную сторону это-

но дорожать щепотьями шафрановой мази, которою покрыто его тѣло.» «На третій день этому несчастному, котораго ожидаетъ немедленное заколѣніе, вмѣсто всякой пищи даютъ немного молока и саго, и шумное безчинное ширшество перваго дня опять возобновляется. Въ полдень жрецъ, который въ прошедшую ночь дѣлалъ изысканія на счетъ мѣста, приличнаго для заклаціи жертвы (что опредѣляется посредствомъ остроконечной палки, которою онъ вонзаетъ въ землю и замѣчаетъ то мѣсто, гдѣ она входитъ въ землю на самую большую глубину), приводитъ свою жертву на мѣсто, оказавшееся наиболѣе угоднымъ для богини земли. Такъ какъ по понятіямъ этихъ фанатиковъ необходимо, чтобы жертва не оказывала никакого сопротивленія и въ тоже время связывать ее непозволительно; то несчастному, приносимому въ жертву, прежде всего ломаютъ кости въ рукахъ и ногахъ. Потомъ жрецъ беретъ бревно свѣжаго дерева, раскалываетъ его по поламъ и сжимаетъ ставъ несчастнаго двумя этими половинками, концы котораго связываютъ съ обѣихъ сторонъ веревками.» По окончаніи всѣхъ этихъ приготовленій, жрецъ подаетъ знакъ, что наступило время закалатъ жертву, и поражаетъ ее топоромъ, которымъ онъ вооруженъ. Тогда всѣ предстоящіе бросаются на жертву съ неистовыми криками, при оглушительномъ гулѣ музыки, разрываютъ ее на части и схвативши по куску ся мяса, кричатъ: «мы тебя для этого покушали, заплатили цѣну; никакого грѣха на насъ нѣтъ.» Съ окончаніемъ этого ужаснаго жертвоприношенія каждый уходитъ къ себѣ домой, унося свой кровавый кусокъ жертвы и въ продолженіе трехъ дней остается въ заключеніи, не говоря ни одного слова. По прошествіи трехъ дней убиваютъ буйвола, и всѣ языки развязываются.

го установленія, мало по малу отдѣлилась отъ практики и осталась только въ отдаленнѣйшихъ преданіяхъ, гдѣ она также подвергалась нѣкоторымъ переменамъ и оразпообразилась, хотя и не переставала вездѣ носиться предъ сознаниемъ, какъ это мы увидимъ въ слѣдующемъ параграфѣ. А напротивъ, что было чувственнаго и матеріальнаго въ обычай жертвоприношеній, то устояло и даже разрослось съ утратою того, что составляетъ его душу; потому что при распространившемся до чрезвычайности обыкновеніи приносить жертвы, какъ прообразы будущей великой жертвы, дошли наконецъ до того, что съ этими прообразами начали болѣе и болѣе соединять силу, какую должны были имѣть только дѣйствительный ихъ первообразъ. Естественная нестерпимость сердца человѣческаго скорѣе видѣть осуществленіе своихъ надеждъ, въ соединеніи съ естественною склонностію природы нашей къ вещамъ чувственнымъ, окончательно довела людей до того грубаго оболъщенія, будто известные предметы могутъ быть тѣмъ, чего они были только тѣнью; и такимъ образомъ мало по малу знакъ занялъ мѣсто вещи, имъ означаемой, прообразъ — мѣсто самой истины, буква — мѣсто духа; и родъ человѣческій тѣмъ съ большею жадностію бросился на обычай жертвоприношеній, что видѣлъ, или думалъ видѣть въ немъ дѣйствительно очистительную силу, которой такъ настоятельно требовало его бѣдственное положеніе. Въ этомъ случаѣ родъ человѣческій подчинялся древнему преданію, не давая себѣ отчета въ томъ, и это именно безотчетное подчиненіе было причиною того, что имъ овладѣло суевѣріе и сдѣлало его рабомъ и слѣпымъ подражателемъ, при выполненіи внѣшнихъ принадлежностей жертвоприношеній, и даже привело его до преувеличиванія ихъ значенія и силы.

Такое извращеніе обычая жертвоприношеній представляется тѣмъ болѣе понятнымъ, что оно дѣйствительно стоитъ соотвѣтствіи съ тою порчею, какая проникла во всѣ другія части вѣровавій и перво-бытныхъ правовъ рода человѣческаго. Такъ на-примѣръ, когда мысль о Единомъ Богѣ и Его свя-тости уступила мѣсто понятію о многихъ богахъ и допустила почитаніе идоловъ и боготвореніе стра-стей человѣческихъ; тогда и жертвы животныя, которыя, относительно Бога истиннаго, могли слу-жить только символами и прообразами, сдѣлались способными удовлетворять сами по себѣ тѣмъ по-стыднымъ божествамъ, которымъ стали воздавать божеское поклоненіе вмѣсто служенія истинному Богу. Когда развращеніе правовъ дошло до того, что люди потеряли изъ виду истинное добро и дѣй-ствительное зло и всѣмъ сердцемъ обратились къ исканію блаженства исключительно въ земныхъ и чувственныхъ предметахъ; при такомъ положеніи, — надобно согласиться, — грубыя жертвы не бы-ли недостойны служить средствомъ для удовле-творенія столь глубымъ прошеніямъ и обѣтамъ человѣческимъ; и поклонникъ, и божество, и жерт-ва одинаково были достойны другъ друга. И такъ какъ, по мѣрѣ того сколько искомое блаженство земное ускользало отъ страстнаго сердца человѣче-скаго, а страсти сердечныя, отъ того самаго ра-спаляясь, становились болѣе и болѣе ненасытными; то въ такой же мѣрѣ надобно было умножать и уве-личивать жертвы и, съ совершеннымъ забвеніемъ о будущемъ духовномъ благѣ, обѣщанномъ чело-вѣку, искать, видѣть и читать во внутренностяхъ жертвъ никогда несбыточное удовлетвореніе насто-ящимъ ненасытнымъ желаніямъ развращеннаго сердца.

Pectoribus inhians, spirantia, consulit extra.

Heu! vatum ignarae mentes! quid vota furentem,
Quid delubra juvant? (*)

Отсюда то несмысленное увлеченіе рода чело-
вѣческаго предметомъ, котораго онъ уже не пони-
малъ, но съ которымъ только по преданію умѣлъ
соединять, такъ или иначе, мысль объ очиститель-
ной и спасительной силѣ его и въ немъ искалъ
себѣ убѣжища со всѣми своими желаніями, или
защиты отъ всякаго страха и опасенія. А при осо-
бенномъ, напряженіи безпорядочныхъ движеній сер-
дечныхъ легко уже приходили къ мысли, что на-
стоитъ нужда принести жертву челоѣческую, и
притомъ самую невинную, дабы замѣна была тѣмъ
болѣе рѣшительна и дѣйствена, чему также спо-
собствовало произвольное, ужасное смѣшеніе прооб-
разовательнаго значенія жертвы съ истиною, по
которой дѣйствительно искупительною жертвою за
челоѣчество надлежало быть не челоѣчку, а Бо-
гочелоѣчку. Этой-то взбивчивой мысли соответст-
вуетъ таинственное изреченіе друидовъ, когда они
проливали кровь челоѣческую на своихъ dolmens:
«пока преступленіе нашего грѣшнаго рода не бу-
детъ омыто кровію одного челоѣчка, до тѣхъ поръ
«никогда не укротится гнѣвъъ безсмертныхъ бо-
говъ» (**).

Въ семъ отношеніи заблудшее челоѣчество могло
бы образумиться, не иначе, какъ дошедши до послѣд-
ней крайности въ своемъ заблужденіи. Ибо, какъ

(*) Virg. Eneid. L. IV. «Мучимый страстными желаніями сердца
«ищетъ совѣта въ дымящихся испареніями внутренностяхъ. Увы!
«какъ жалки невѣжественныя души прорицателей! Какую помощь
«непестовому могутъ оказать обѣты и капища?»

(**) Faber. Horae Mosaicae.

говоритъ Св. Апостоль Павелъ, тщету жертвъ, помимо ихъ прообразовательнаго значенія, доказываетъ самая многочисленность ихъ: довольно было бы и одинъ разъ принести жертву, еслибы подобныя жертвы дѣйствительно имѣли усвояемую имъ силу и значеніе. Но эта самая недѣйствительность ихъ и возбуждала ненормальное увлеченіе къ нимъ въ родѣ человѣческомъ. Бездна, изрытая грѣхомъ, между Богомъ и человѣкомъ, не могла быть наполнена никакими умиловительными средствами, заимствованными отъ самаго же грѣха; и однакожь потребность этого умиловленія тяжелымъ камнемъ лежала на общей совѣсти преступнаго человѣчества. Въ этомъ состояніи борьбы съ самимъ собою и съ Богомъ, человѣчество жаловалось на все и рѣшительно бросалось въ бездну, отдѣлявшую его отъ Бога. Жертвы, и притомъ самыя драгоценныя, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе умножались подь пожемъ жрецовъ; но таже пустота, таже самое отлученіе давали себя постоянно чувствовать. Правосудіе Божіе, болѣе оскорбляемое, а не умиловляемое, рѣшительно отвергало эту кровь, напрасно проливаемую суевѣріемъ жестокосердыхъ людей, потому что одно жертвоприношеніе въ духѣ вѣры въ будущую великую Жертву гораздо болѣе было бы угодно предъ нимъ до того времени, когда Искупитель, входя въ міръ съ своею истинною жертвою, которая одна только могла наполнить эту бездну раздѣленія и быть дѣйствительно умиловительною, сказалъ Отцу Своему: «всесожженія и жертвы за грѣхъ неугодны Тебѣ. Жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, но тѣло угодовалъ Мнѣ. Тогда Я сказалъ: Се, иду, какъ въ началѣ книги написано о Мнѣ, исполнить волю Твою, Боже» (Евр. 10, 5 — 7.), т. е. чтобы Мнѣ самому низойти въ эту бездну, всегда разверзае-

мую Твоимъ правосудіемъ, и вполне закрыть ее Моею жертвою, столькоже святою и безпредѣльною, какъ и Твое правосудіе. И Онъ такъ выполнилъ свое искупительное служеніе, что, какъ изъясняетъ Св. Апостоль Павелъ, однажды принесши Себя въ жертву, навсегда открылъ источникъ освященія для всего рода человѣческаго, и дѣйственная сила Его жертвы простирается на всѣ времена и на всѣ мѣста; поэтому Онъ называется *Лицемъ заклан-нымъ отъ созданія міра* (Апок. 13, 8); такъ что по всей справедливости можно сказать, «что «хотя жертвенникъ Его былъ на Голгоѣ, по кровь «жертвы Его омыла вселенную.» (*)

Дошедши до этого предѣла въ нашемъ изслѣдованіи, мы можемъ уже удовлетворительно рѣшать для себя тѣ загадочные вопросы, какіе представляются наблюдателю во всеобщемъ обычаѣ жертвоприношеній. Ставши на Голгоѣ, мы находимся на единственной точкѣ зрѣнія, позволяющей разобрать весь этотъ хаосъ. Отсюда все, что въ этомъ обычаѣ представляется нелѣпымъ и достойнымъ отвращенія, принимаетъ правильное положеніе и является въ ясномъ видѣ и даже служить высокимъ выраженіемъ истины, которой разумъ нашъ съ любовію готовъ покоряться столькоже, сколько безъ этого имѣлъ поводовъ возмущаться этимъ обычаемъ.

Четыре обстоятельства представлялись видимо нелѣпыми въ древнихъ жертвахъ, когда смотрѣли на нихъ отрѣшенно: первое—то, что источника заслугъ искали въ заколеніи жертвы, изъ которой долженъ бы истекать этотъ источникъ, и которая сама по себѣ не имѣла никакой заслуги; потому что безъ добровольнаго пожертвованія нѣтъ

(*) Origen.

заслуги, а тутъ только грубая сила, не смотря на сопротивленіе жертвы, повергала ее подъ своимъ ударами. Второе—то, что вѣрили, будто можно преступленіе грѣшнаго поколѣнія омыть кровію, грѣшною по самому ея происхожденію, и въ выкупъ за преступника представлять божеству другаго подобнаго же преступника. Третье—то, что вмѣняли человѣку всѣ мнимыя заслуги жертвы, хотя человѣкъ ничего не дѣлалъ для усвоенія себѣ этихъ заслугъ, кромѣ свидѣтельствующаго о его жестокосердомъ заколеніи жертвы. Четвертое—то, что всю жестокость этого требованія приписывали Богу, какъ будто бы Его благость только подъ условіемъ подобнаго разрушенія своихъ созданій и могла обнаруживаться на землѣ.—Эти-то обстоятельства возмутительны въ древнихъ жертвахъ и отъ нихъ всеобщность жертвъ остается неизъяснимою, когда завѣдомо оставляютъ безъ вниманія единственно возможное здѣсь изъясненіе, т. е. ихъ прообразовательное и пророчесвенное отношеніе къ великой жертвѣ Іисусъ Христовой.

Но стоитъ только смотрѣть на древнія жертвы сквозь зеркало этой великой жертвы; тогда всѣ указанныя несообразности разсѣваются и вмѣсто ихъ предъ взоромъ нашимъ просіяваетъ исполненное глубочайшей премудрости намѣреніе Божественное. Тутъ, дѣйствительно, эта великая жертва совершенно *добровольна*: Искупитель, по своему благоизволенію, Самъ Себя принесъ въ жертву и этимъ добровольнымъ подвигомъ приобрѣлъ цѣлый океанъ заслугъ, истекающихъ изъ Его жертвы на всѣ времена и на всѣ мѣста. — Далѣе—эта жертва не есть отрасль поколѣнія преступнаго, которое должно искупать въ ней очищенія; она исходитъ изъ безпредѣльныхъ высотъ святости Божіей и, воспринимая въ единеніе съ Собою естество человѣческое, при-

нимаеть на себя только слѣдствія грѣховъ человѣческихихъ, оставаясь при семъ рѣшительно непричастною самому грѣху. Да и вмѣненіе заслугъ этой великой жертвы не такъ безусловно, чтобы виновный освобождался отъ всякаго участія въ нихъ: хотя онъ вседостаточны для очищенія грѣховъ и облаженствованія всего міра, но онъ предлагаются грѣшнику только какъ всемогущее врачество и помощь въ его болѣзни и немощахъ, и онъ обязанъ съ своей стороны употребить всѣ усилія, чтобы воспользоваться предложенными ему средствами, во всемъ послѣдуя наставленіямъ и примѣру своего Искупителя.—Здѣсь, наконецъ, устраняется всякая жестокость со стороны Бога, хотя эта страшная казнь чрезвычайно поразительна по своему правосудію, и не только устраняется всякая жестокость, но въ ней просіяваетъ непостижимая благодать Божія, даже въ высшей степени, чѣмъ какъ она открылась въ сотвореніи, по причинѣ той особенно непостижимой тайны, что эта самая жертва заимствуется изъ собственной сущности Божества, правосудіе котораго требовало ее, и что Самъ Сынъ Божій, Богъ по существу, Самъ — всесущественная правда Божія, — принесъ Самого Себя въ жертвенное закованіе, Самъ Богъ, безпредѣльно милосердый, по выраженію св. Павла, *во Христвѣ примирилъ съ Собою міръ* (2 Кор. 5, 29).

Такимъ образомъ, когда восходимъ къ подлинному источнику, изъ котораго, и по признанію разума, произошелъ обычай жертвоприношеній, то находимъ, что этотъ обычай по своему назначенію былъ установленіемъ прообразовательнымъ, выражавшимъ то великое средство искупителя, которымъ Богу угодно было возстановить родъ человѣческій.

Когда не принимаютъ этого положенія, все въ

обычаѣ жертвоприношеній остается темно и непонятно; и наоборотъ, когда его принимаютъ, все становится ясно и понятно.

Въ семь случаѣ понятны: какъ скрывающееся въ глубокой древности происхожденіе этого обычая, совпадающее съ происхожденіемъ самаго рода человѣческаго, такъ и опредѣленно извѣстная эпоха его упадка и прекращенія, послѣдовавшая за смертію Иисуса Христа (*).

Понятны: какъ чистота, съ какою онъ у народа іудейскаго сохранялся, чуждый жестокости и суевѣрія, такъ и тѣ уклоненія, какимъ подвергался онъ у другихъ народовъ, утратившихъ мысль о его духѣ и значеніи.

Понятны: какъ однообразіе внѣшнихъ принадлежностей его, вопреки даже всѣхъ заблужденій

(*) Нельзя не замѣтить здѣсь, что не обращаютъ достаточно вниманія на совпаденіе и вѣрное исполненіе пророчества Даниилова: *Христосъ преданъ будетъ смерти и жертвы будутъ отмытены*. Припомнимъ только, что съ первымъ распространеніемъ Христіанства, Плиній писалъ Траяну, что жертвы уже не находятъ покупателей: *quarum adhuc rarissimus emtor inveniebatur*, и что, къ удивленію, сами іудеи, не увѣровавшіе въ жертву Христову, хотя и обязаны были бы продолжать приношеніе древнихъ жертвъ, однакожь принуждены были прекратить въ тоже время вслѣдствіе разрушенія ихъ храма. При томъ, трудно даже вообразить возможность этого обычая среди нашихъ христіанскихъ нравовъ, а это также доказываетъ истину религіознаго и нравственнаго возрожденія нашего, положившаго предѣлъ этому обычаю. Кровь Иисуса Христа исцѣлила застарѣлую рану, изъ которой поторгались потоки крови человѣчества, даже оказала въ пѣкоторомъ отношеніи пощаду и для крови пизшихъ животныхъ: *умиротворивъ чрезъ Него, кровію креста Его, и земное и небесное* (Кол. 1, 20).

относительно его, такъ и его всеобщность въ жизни всѣхъ народовъ, не смотря даже на всѣ ужасы, которые должно было возбуждать его выполненіе.

Понятно, наконецъ, какъ то, что есть въ этомъ обычаѣ сходнаго съ великою жертвою Христовою, изъ чего видно, *что онъ служилъ прообразомъ* сей послѣдней, такъ и то, что въ немъ есть несходнаго съ этою жертвой, что и показываетъ, что онъ *былъ меньше, какъ только прообразъ.*

Кратко сказать, этотъ обычай, сколько странный, столько же вмѣстѣ однообразный и всеобщій, могъ служить основаніемъ всѣхъ религій, очевидно только потому, что предполагаемая имъ великая первобытная истина, которую нетрудно узнать въ самомъ этомъ обычаѣ, потому что она обнаруживается въ самыхъ обрядахъ его, есть паденіе и поврежденіе человѣчества и необходимость Искупителя, или спасенія кровію жертвы, принесенной въ искупленіе нашихъ грѣховъ и въ замѣну нашего недостойнства. Но сколько все это въ древнихъ жертвахъ, принимаемыхъ за средства къ этой цѣли, дѣйствительныя сами по себѣ, представляется страшнымъ и несообразнымъ, нелѣпнымъ и грубымъ; столько, наоборотъ, при великой жертвѣ Иисусъ Христовой, принимаетъ характеръ высокаго разума и глубокой мудрости. Слѣдственно жертвоприношеніе Иисуса Христа и есть предѣлъ этой великой первобытной истины и разрѣшеніе всемірной загадки, ее предлагающей.

Такимъ образомъ весь родъ человѣческой безчисленнымъ множествомъ голосовъ, или лучше, стenanіями всѣхъ своихъ жертвъ свидѣтельствуетъ въ пользу истинности Религій Иисусъ Христовой.

Преданія объ ожиданіи Искупителя.

Съ выполнениемъ предположеннаго намѣренія, въ этомъ третьемъ отдѣлѣ нашихъ историческихъ обзорѣній, представляется надежное заключительное подтвержденіе двухъ предыдущихъ, вмѣстѣ съ которыми настоящее обзорѣніе образуетъ стройный составъ самыхъ неразрывныхъ доказательствъ. Ибо во первыхъ, все, что будетъ говоритья о возстановленіи, послужитъ новымъ свидѣтельствомъ въ подтвержденіи истины о паденіи человѣка; и во вторыхъ, такъ какъ свидѣтельствами всего рода человѣческаго уже высказано, что для него возможно возстановленіе только посредствомъ крови и смерти; то если мы покажемъ, что въ семъ отношеніи онъ ожидалъ Искупителя постоянно до временъ Иисуса Христа, мы представимъ новое доказательство, еще болѣе подтверждающее ту истину, что только кровію сего Искупителя надлежало совершиться его возстановленію; и такимъ образомъ восполнится ученіе объ установленіи жертвоприношеній соединеніемъ съ его обрядностію животворной истины, духъ и сила которой были изъ него утрачены.

Пойдемъ смѣло подъ этотъ новый горизонтъ; онъ обширенъ, но богатъ занимательностію и поучительностію.

1. Главный здѣсь народъ — тотъ же, который и вездѣ представлялся первымъ, это народъ еврейскій; и не во имя только вѣры ему усвоится такое преимущество, но, какъ мы уже видѣли, во имя самыхъ законныхъ правъ, даже по суду самаго разума. И такъ выслушаемъ его, если не съ благоговѣніемъ, то со всемъ безпристагіемъ и справедливостію: это — нашъ первенецъ старѣйшій.

Здѣсь представляется достойное вниманія и само по себѣ уже убѣдительное обстоятельство. Изъ всѣхъ народовъ народъ израильскій, наиболѣе показавшій твердости и постоянства въ исповѣданіи ожидаемаго *Искупителя*, посланіе котораго объщано ему Богомъ и предсказанія о которомъ во всемъ соотвѣтствуютъ лицу, жизни и служенію *Исуса Христа*, наилучшимъ образомъ сохранилъ и всѣ прочія истины преданія и преимущественно предъ всѣми истину *единства Божія*. Можно сказать, что вѣрованіе въ *Искупителя* во всѣ времена было нераздѣлено съ вѣрованіемъ во *единого Бога* и составляло какъ бы второе положеніе перваго члена религіи естественной. Повторяю, это одно уже много говоритъ въ пользу истинности этого вѣрованія.

Народъ израильскій, какъ старѣйшій первенецъ въ великомъ семействѣ народовъ, въ продолженіи трехъ тысячъ лѣтъ, постоянно владѣлъ мѣстами, которыя были колыбелью и какъ бы исконною обителью рода человѣческаго. Онъ оставался хранителемъ и стражемъ родовыхъ документовъ на наслѣдственные права и преимущества, документовъ, съ которыхъ всѣ прочіе братья его, при своемъ разсѣяніи, унесли съ собою только обезображенные копіи. Да и самъ онъ искони состоялъ подъ особымъ охранительнымъ попеченіемъ *Божіимъ*, дабы ему, въ качествѣ первороднаго и особенно любимаго сына *Отца небеснаго*, быть первымъ и въ наслѣдованіи достоянія праотческаго, съ обязательствомъ, однакожъ, дать отчетъ всему роду человѣческому въ принятыхъ и сбереженныхъ имъ сокровищахъ, въ великій день раскрытія *Ветхаго Завета*, котораго онъ же сдѣлался всемірнымъ исполнителемъ, даже и чрезъ самое отреченіе свое отъ достававшагося ему по

завѣту наслѣдства. Таково сугубое назначеніе, доставшееся на долю этого народа, который, повстинѣ, *есть народъ Божій*, какъ орудіе и какъ видимый предметъ милосердія и правосудія Божественнаго. И какъ удовлетворительно выполнилъ онъ это назначеніе! Тогда какъ всѣ народы земные, подобно слѣпцамъ, ходили по тѣснымъ, избитымъ путямъ своихъ частныхъ интересовъ; когда ихъ школы мудрости противорѣчили однѣ другимъ и многочисленностію и противоположностію своихъ ученій, когда у нихъ религія, философія и политика расходились по разнымъ разобщеннымъ между собою путямъ и оставались въ безвыходномъ положеніи; и когда у нихъ все было подчинено слѣпой судьбѣ, которую они превратили для себя въ могущественнѣйшаго изъ своихъ боговъ:—народъ израильскій держался только одного ученія, одной политики, одной судьбы, одной постоянной идеи—проповѣдывать о грядущемъ *Мессіи*, предъизображать Его жизнь и служеніе, и ожидать Его пришествія, хранить и оплодотворять въ себѣ *зародышъ благословенія, которое должно нѣкогда распространиться на всю землю и его самого, своею всеобщностію, объединить съ другими народами.* (*) Ничто не занимало его столько, какъ этотъ важнѣйшій предметъ, ничто не отвлекало и не отклоняло отъ него; онъ всецѣло отдавался этому предмету, и не въ тотъ или другой вѣкъ, а постоянно, въ продолженіе тридцати вѣковъ, преемственно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, его терпѣніе,

(*) Здѣсь мы призываемъ въ свидѣтели не Моисея лично, а народъ еврейскій въ самой наибольшей его общности. Поэтому на то, что будетъ здѣсь говориться, не слѣдуетъ смотрѣть какъ на видоизмѣненіе прежняго, или бесполезное повтореніе. Это впрочемъ ясное покажетъ самое дѣло.

его настойчивость воспроизводить въ продолженіе столь долгаго времени предсказанія объ этомъ великомъ событіи имѣеть нѣчто сходное съ неизмѣннымъ повтореніемъ нѣкоторыхъ явленій природы и того вѣщаго инстинкта, которымъ она надѣляетъ животныхъ. Авраамъ, Иаковъ, Моисей, Давидъ, Исаія, Давидъ и множество другихъ патриарховъ, законодателей, царей, первосвященниковъ, подвижниковъ, не смотря на разстоянія, ихъ отдѣляющія, всѣ являлись только для того, чтобы повторять рѣчь объ одной и тойже великой надеждѣ израилевой, и болѣе и болѣе уяснять и опредѣлять обстоятельства и свойства ея Божественнаго предмета. Духъ гордости и властолюбія, служащій условіемъ великихъ дѣяній человѣческихъ, вызывающій и увлекающій постоянно людей съ талантами на пути новыя, не имѣлъ никакого дѣйствія въ отношеніи сыновъ израиля: всѣ они довольствовались призваніемъ быть предвѣстниками грядущаго Мессіи, и столь великимъ преимуществомъ, какое предоставлялось имъ, они пользовались только для того, чтобы приготовить мѣсто *Тому, Кто больше ихъ, Тому, Кто долженъ пріити, звѣздѣ Иакова, чаянію народовъ, въ Коемъ всѣ они получаютъ благословеніе, Князю міра, Ангелу за вѣта, Лицу Божію, вземлющему грѣхи міра, Праведнику, который прозябнетъ отъ земли и какъ дождь будетъ сходить съ неба, чтобы Своимъ посредничествомъ примирить землю съ небомъ. Славный и уничиженный, блаженный и несчастный, Онъ понесетъ знаки своего княжескаго достоинства на своихъ плечахъ, своими ранами исцѣлитъ всѣхъ насъ и проч. (*)*

(*) Всѣ эти черты заимствованы изъ священныхъ книгъ пророческихъ и ихъ относятъ къ Мессіи какъ іудей, такъ и христіане.

Въ какія бы времена ни появлялись въ народѣ израильскомъ эти предсказанія о грядущемъ Испытателѣ, ни одинъ изъ пророковъ не имѣлъ покушенія присвоить себѣ предсказанія своихъ предшественниковъ, или сомнѣваться въ ихъ будущемъ исполненіи; но каждый изъ нихъ старался во всей точности занять подобающее ему мѣсто въ ряду провозвѣстниковъ, которые изъ устъ въ уста передаютъ явственно и опредѣленно предсказаніе о приближеніи Того, Кто долженъ былъ заключить ихъ шествіе; такъ какъ Онъ былъ и предметомъ и цѣлюю ихъ пророческой проповѣди.

И пусть не спѣшатъ обвинять насъ въ томъ, будто мы нишемъ это по предубѣжденіямъ христіанскимъ и стараемся прилагать пророчества къ событіямъ. Задача о *пророчествахъ* оставляется нами для полной и подробной разработки въ третьей части нашихъ излѣдованій. Здѣсь же мы разсматриваемъ предметъ съ особой частной точки зрѣнія. Мы беремъ фактъ въ самомъ обширномъ его видѣ и, поставляя его независимо отъ всякаго толкованія, говоримъ, что народъ еврейскій, отъ начала міра и до пришествія Иисуса Христа, ожидалъ необыкновенной личности, имѣвшей произойти изъ среды его, и которая, таинственно и непостижимо соединяя въ себѣ уничиженіе и величіе, страданіе и славу, сдѣлается спасеніемъ и средоточіемъ жизни для всѣхъ народовъ. (*) Вотъ фактъ, отвергнуть который такъ же трудно, какъ отвергнуть существованіе народа израильскаго, который все-

(*) Большая часть раввиновъ, видя невозможность скрыть, что ожидаемый Мессія представляется въ священныя книги то славнымъ и торжествующимъ, то уничиженнымъ и жертвою, и не умѣя согласить эти два состоянія въ одномъ и томъ же лицѣ, постановили рѣшеніе о двухъ Мессіяхъ.

цѣло былъ занятъ имъ. Вы не хотите вѣрить христіанамъ, такъ вѣрите евреямъ. Здѣсь слѣдовало бы привести трактаты всѣхъ раввиновъ еврейскихъ, еслибы потребовали отчета о приверженцахъ этого ученія. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ раввиновъ вѣрованіе въ пришествіе Мессіи поставляетъ въ числѣ основныхъ членовъ религіи, исповѣдуемой еврейскимъ народомъ; потому что онъ считаетъ пришествіе Мессіи наградою, которую, при воскресеніи мертвыхъ, Богъ обѣщаетъ вѣрующимъ въ Него. (*) И ученый Маймонидъ говоритъ, что «кто не вѣруетъ въ Мессію и не ожидаетъ его пришествія, тотъ отвергаетъ законъ и пророковъ; такъ какъ всѣ они свидѣтельствуютъ о Мессіи.» (**)

Еврей Сальвадоръ составилъ сочиненіе съ тѣмъ рѣшительнымъ умысломъ, что бы подорвать основанія евангельской исторіи объ Иисусѣ Христѣ и Его ученіи, основанія, какія можно находить для нея въ преданіяхъ и пророчествахъ еврейскихъ (***). Чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ началъ съ того, что въ особомъ, прежде изданномъ, сочиненіи старался отвергнуть все сверхъестественное въ преданіяхъ и пророчествахъ своего народа (****). Однимъ словомъ, Сальвадоръ — *еврей вольнодумецъ*. Такимъ образомъ онъ употребилъ въ дѣло всѣ средства, какія только могло внушить ему это двоякое намѣреніе, чтобы извратить смыслъ и преданій и пророчествъ, относящихся къ лицу Иисуса Христа. По его мнѣнію, мѣста пророческія, которыя не только христіанами, но и евреями относятся къ Мессіи, каковы напримѣръ: «*человѣкъ пра-*

(*) Авторъ сочиненія. Sepher Ickharim, lib. I. c. VII.

(**) Tract. de Reg. cap. II.

(***) De Jésus — Christ et de sa doctrine,

(****) Systeme religieux et politique des Hébreux,

ведный будетъ преданъ въ жертву жесточайшимъ страданіямъ и истерзанъ своими собственными дѣтьми. — Какъ мертвый, Онъ будетъ положенъ въ могилу, но для того только, чтобы опять явиться на свѣтъ, и гробъ Его прославится» проч., такія мѣста не надобно разумѣть о какомъ либо частномъ лицѣ, но о цѣломъ народѣ; это народное олицетвореніе судебъ евреевъ (*). По этому способу изъясненія пусть судятъ, съ какими расположеніями относится Сальвадоръ къ истинѣ ожиданія Искупителя! Но Сальвадоръ забываетъ, что имѣетъ дѣло съ такимъ предметомъ, котораго никакими измышленными способами толкованія закрыть невозможно; это — *фактъ*, и притомъ *фактъ* чрезвычайной важности; надъ нимъ, надъ его разработкой трудился цѣлый народъ въ продолженіи тридцати вѣковъ; такъ онъ, по увлеченію, высказывается и самъ вопреки собственному своему намѣренію, въ слѣдующихъ строкахъ: «всѣ утѣшительныя обѣтованія, по преимуществу, приняли такое выраженіе, что, на основаніи ихъ, *цѣлая страна* возлагала свои надежды на времена пришествія Іисуса Христа. Изъ колѣна князей Іудинныхъ, изъ колѣна царя Давида, принятаго за образецъ мудрости и славы, произойдетъ нѣкогда *Освободитель*, Который, подобно Давиду и еще въ высшей степени, соединяя въ Себѣ силу разума и силу великодушія и мужества, съумѣетъ восторжествовать надъ всѣми внѣшними угнѣтеніями и оба раздѣлившіяся царства (Іудейское и Израильское) соединить опять подъ однимъ скипетромъ мира, правосудію возвратитъ его права и силу, народу его достоинство, жизни — всѣ блага, которыми она первонач-

(*) Том. I, р. 80 и слѣд.

«чельпо была ущедрена отъ Господа... Наконецъ,
 «Онъ поставитъ истиннаго израиля, сообразно его
 «назначенію, служить знаменемъ, средоточнымъ на-
 «чаломъ жизни для другихъ народовъ земныхъ, да-
 «бы изъ всѣхъ семействъ потомковъ Адамовыхъ
 «образовать одну великую семью народовъ, ожи-
 «вотворяющихъ другъ друга посредствомъ удиви-
 «тельнаго взаимнаго соединенія» (*).

Да и какъ можно скрыть тотъ фактъ, что израильтяне ожидали Икупителя всего рода человеческого! Они ожидаютъ Его еще и теперь: какого же еще требовать болѣе сильнаго подтвержденія, что они всегда Его ожидали? Пусть же, по крайней мѣрѣ, не предполагаютъ, что изъ усердія къ пользамъ христіанства, они рѣшились позже придумать для себя это ожиданіе и записать заднимъ числомъ этотъ документъ своего собственнаго позора и нашей вѣры.

Даже очень замѣчательно,—и это доказываетъ, какъ давно начало развиваться и глубоко пускаться корни въ этомъ народѣ обѣтованіе о Мессіи, записанное въ книгѣ Бытія, о чемъ мы говорили въ трактатѣ о Моисеѣ,—очень замѣчательно то, что и Самаряне, представляющіе собою остатокъ десяти колѣнъ, отдѣлившихся отъ народа Божія въ царствованіе Ровоама, за тысячу лѣтъ до рождества Христова и съ того времени постоянно остававшіеся во враждѣ противъ іудеевъ не меньше, какъ и сіи послѣдніе противъ христанъ, не признавая другихъ священныхъ книгъ Моисея, сохранили однакожь даже до настоящаго времени вѣрованіе въ грядущаго Мессію, Котораго они называли Nathab (имѣющій обратитъ къ истинной вѣрѣ) (**). Въ про-

(*) Ibid. p. 98.

(**) Теперь ихъ считается около 30 семействъ въ Набусъ, древнемъ Сихемѣ.

долженіе послѣдняго вѣка съ ними происходила переписка по дѣлу уясненія этого факта; переписка эта издана въ свѣтъ Шнурреромъ (*), результатъ ея, одинъ изъ самыхъ убѣдительныхъ, былъ еще подкрѣпленъ самарянскими поэтами изъ библіотеки Боденской, изданными въ свѣтъ Гезеніусомъ (**).

Сверхъ того, въ народѣ іудейскомъ все было направляемо къ тому, чтобы обновлять и оживлять въ мысли и чувствахъ ожиданія Искушителя. Не только было записано это чудное ожиданіе въ священномъ писаніи, (это — единственная книга у сего народа, и она служила какъ бы открытымъ реестромъ, куда каждый изъ пророковъ поочередно одинъ послѣ другаго вписывалъ свою завѣтную рѣчь, и такъ было до временъ Иисуса Христа, когда эта книга была навсегда ненарушимо заключена), но Имъ же были запечатлѣны учрежденія, обряды и даже событія въ жизни этого народа. По единственному служенію въ сохраненіи этого желанія народъ іудейскій можно, въ цѣломъ его

(*) Eichhorn's biblisches repertorium th. IX, p. 27. Съ небольшимъ этимъ остаткомъ Самаріи въ подобныя же сношенія входили Скалигеръ, Рудольфъ, и Оксфорскій Университетъ. Смот. de Sacy, Memoires, Sur l'état actuel des Samaritains, p. 117.

(**) Carmina Samaritana e codicibus Londinensibus et Gothanis, Lips. 1824, p. 15. Всѣ эти ученныя изысканія по означенному предмету были вызваны возраженіемъ относительно несходства правовъ и обычаевъ и ученія самарянъ съ слѣдующимъ мѣстомъ Евангелія. «Женщина (самарянка) говоритъ Ему: знаю, что придетъ Мессія, т. е. Христосъ; когда Онъ придетъ, то возвѣстятъ намъ все. Иисусъ говоритъ: это Я, Который говорю съ тобою» (Іоан. 4, 25, 26).

составъ, по выраженію блаженнаго Августина, назвать *однимъ великимъ пророкомъ*. Это чаяніе, сначала только семейное, съ продолженіемъ времени, постепенно возрастало и развивалось съ размноженіемъ самаго народа. Оно сдѣлалось общимъ для народа наслѣдіемъ, которое отъ каждаго предшествующаго поколѣнія было передаваемо послѣдующему, съ тою же однако весьма замѣчательною разностию, что въ самые лучшіе дни своей славы и могущества, при своихъ Давидахъ и Соломонахъ, онъ никогда не выражалъ настойчиваго желанія относительно явленія Мессіи, и наоборотъ, во время постигавшихъ его великихъ бѣдствій, при своихъ Давидахъ и Маккавеехъ, онъ никогда не терялъ надежды увидѣть грядущаго Мессію; и такъ продолжалось до самаго явленія Иисуса Христа. Тутъ одна часть народа открыто признала, что Онъ есть Мессія, обѣтованный праотцамъ; а другая, и большая часть, подобно кормчому, бурею сбнтому съ прямаго пути, увлеклась всякимъ вѣтромъ ученія о Мессіи. Одни говорили, что Мессія уже являлся въ лицѣ многихъ знаменитыхъ мужей изъ ихъ народа, но въ какихъ именно, не соглашались между собою; другіе стали утверждать, что Ему надлежало бы уже явиться, но за грѣхи ихъ пришествіе Его еще отерочено; а иные до того забыли свои головы разными заблужденіями, что сочли за лучшее прикрыть свой стыдъ нѣкотораго рода отчаяніемъ, и въ своемъ Талмудѣ написали это роковое опредѣленіе: *«да будетъ проклятъ всякій, кто станетъ вычислять время пришествія Мессіи.»* Всѣ же они вообще, среди чудесъ нашей христіанской образованности, продолжаютъ свое существованіе не больше, какъ въ родѣ мертвыхъ языковъ, которые, бывъ лишены правъ гражданства въ отношеніи живыхъ народовъ, блюдутся только для у-

разумѣнія памятниковъ, относящихся къ тѣмъ временамъ, когда говорили этими языками.

Такимъ образомъ обътованіе объ Искупитель, Сѣмени жены, имѣвшемъ сокрушить голову нашего исконнаго врага и принести возрожденіе для всѣхъ народовъ, было непрерывно поддерживаемо и засвидѣтельствовано преданіемъ, самымъ положительнымъ и несомнѣннымъ, подобнаго которому никогда не существовало между людьми въ другихъ отношеніяхъ. Это преданіе цѣлаго народа, единственное призваніе котораго на землѣ было непрестанно повторять это преданіе въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ, такъ что, съ потерей своего политическаго существованія, въ своемъ разсѣяніи, которому онъ подвергся въ то время, когда обътованіе исполнилось и осуществилось въ событіяхъ и когда прежнее его призваніе кончилось, онъ еще продолжаетъ служить для всѣхъ народовъ земли, но только для засвидѣльствованія чуднаго согласія обътованія съ событіемъ, согласія, котораго онъ одинъ не видитъ и какъ бы для того, что бы оно очевидно было для другихъ.

2. Если теперь съ этой главной точки, какъ средоточія всемірныхъ преданій, мы обратимъ вниманіе наше на всѣ другіе народы, то услышимъ, какъ это слово обътованія библейскаго: *Онъ будетъ составлять чаяніе народовъ*, несется до нашего слуха со всѣхъ мѣстъ и временъ, подобно звучному эху, которое больше или меньше ослабляется и измѣняется въ тонѣ, встрѣчающимися на пути его, препятствіями, но въ послѣднемъ тонѣ котораго всегда отзывается надежда, выразившаяся въ первоначальномъ словѣ.

Мы уже предварительно указывали на *ту надежду*, которая оставалась на днѣ ящика Пандоры: эта черта очень многозначительна. Въ этой

баснѣ высказана мысль, что чрезъ жену вошло въ міръ зло, и именно чрезъ жену, увлеченную къ преслушанію *желаніемъ знанія*. Между тѣмъ оказалось, что въ этомъ ящикѣ, полномъ всякаго рода зла, на днѣ находится нѣкое *добро*, но добро будущее, могущее возбуждать и питать *надежду*, представляющую въ себѣ противодѣйствіе злу, и, слѣдовательно, спасеніе міру въ будущемъ отъ зла, которымъ онъ наполненъ. Эта небольшая басня о Пандорѣ, по своему замысловатому лаконизму, представляетъ, если можно сказать, въ своемъ ящикѣ, всю сущность религіозной исторіи человѣчества.

Но намъ предлежитъ разсмотрѣть, какъ эта исторія развивается въ болѣе строгихъ чертахъ подъ покровомъ другой басни, имѣющей связь съ баснею о Пандорѣ. Это басня о *Прометей*, первая часть которой, относящаяся къ первоначальному паденію человѣчества, уже разсмотрѣна нами; другую часть той же, басни, относящуюся къ восстановленію человѣчества мы тогда отложили; теперь пора намъ обратиться къ разсмотрѣнію ея содержанія.

Три трагедіи написалъ Эсхиль объ этомъ предметѣ, во всѣ времена занимавшемъ геній поэтовъ и проницательность критиковъ. Въ этой трилогіи онъ представляетъ три главнѣйшія состоянія человѣчества, олицетворяемаго въ *Прометей*. Первая часть носила заглавіе *Прометей, похититель огня*; вторая: *Прометей, скованный цѣпями*; третья: *Прометей освобожденный*. Къ сожалѣнію, изъ этого произведенія до насъ дошла одна только вторая часть: *Прометей, скованный цѣпями*. Между другими многозначительными стихами у Плутарха, какъ-то случайно, сохранился одинъ драгоцѣнный стихъ изъ третьей части. Не

смотря на то однакожь, этотъ памятникъ греческихъ преданій, и въ такомъ неполномъ составѣ, даетъ возможность, даже чрезъ страшный мракъ его окружающій, проникать лучамъ свѣта, видимо озаряющимъ христіанскій догматъ въ отдаленномъ будущемъ,

Есть цѣлыя книги, написанныя о пророчествѣ заключающемся въ Прометей. Мы не рѣшились перечитывать ихъ, изъ опасенія чтобы не усвоить себѣ систематическихъ предубѣжденій, обыкновенныхъ спутниковъ учености, вдающейся въ крайности. Мы за лучшее сочли указать лишь на то, что сами могли открыть собственнымъ разсмотрѣніемъ и въ чемъ большая часть нашихъ читателей могутъ быть также хорошими судьями, какъ и мы. Быть можетъ, это не самый худшій способъ находить истину; ибо часто случается, что тогда какъ теряются въ глубинахъ предмета для открытія истины, она представляется вамъ на поверхности. (*)

(*) Когда я писалъ предлагаемое читателю изслѣдованіе о баснѣ Прометея, мнѣ не были извѣстны: ни замѣчательная статья Гиро (Guiraud), французскою академіею напечатанная въ *Université Catholique*, t. 1. p. 272, ни болѣе глубокое сочиненіе Росиньоля, напечатанное въ *Annales de philosophie chrétienne*, t. XVIII, p. 184 и 325, и t. XIX, p. 165, ни сочиненіе моего друга Даба, первый отрывокъ котораго появился въ *Revue Catholique du Midi*, № 1-й и возбуждалъ живое требованіе продолженія его. Каждый изъ этихъ трехъ писателей стоитъ въ одинаковомъ отношеніи къ двумъ остальнымъ. Мы все четверо трудились независимо другъ отъ друга надъ предметомъ загадочнымъ и однакожь все сошлись между собою не только въ главныхъ выводахъ, но и въ оцѣнкѣ большей части подробностей. Не служить ли это лучшимъ доказательствомъ того, что мы въ своихъ соображеніяхъ не обманулись?

Эта книга, как и все, посвященное о природе
 и ее законах, является не только
 учебником, но и прекрасным пособием
 для самостоятельного изучения
 предмета.

В этой книге, посвященной о природе
 и ее законах, является не только
 учебником, но и прекрасным пособием
 для самостоятельного изучения
 предмета.

(*) Книга в своем издании является прекрасным
 пособием для самостоятельного изучения
 предмета. В ней содержится много
 интересного и полезного материала,
 который поможет читателю
 лучше понять природу и ее законы.